

Новые материалы об А. Н. Островском

(Из дневника профессора Шляпкина)

Русская литература. 1960. No 1.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Илья Александрович Шляпкин (1858--1918) занимает сравнительно скромное место в истории филологической науки как исследователь в области новой и древней русской литературы. В наши дни он памятен лишь немногим специалистам.

В молодые годы судьба сводила Шляпкина со многими людьми, имена которых высоко чтимы в истории русской литературы. Он был знаком с Гончаровым и Григоровичем, Лесковым и И. Ф. Горбуновым, Аполлоном Майковым и Полонским.

Как человек филологической складки, он привык дорожить фактами и подробностями и знал, как быстро исчезают из памяти живые черты замечательных людей прошлого, бесценные для потомства. С завидной тщательностью и методичностью стал заносить Шляпкин в свой дневник все, что сам наблюдал или слышал из уст очевидцев о корифеях русской литературы.

В записях Шляпкина можно найти рассказы о Белинском, Достоевском, Тургеневе, Гончарове, Некрасове, Льве Толстом. Но, пожалуй, наиболее интересные и ценные с точки зрения истории литературы страницы дневника посвящены А. Н. Островскому.

Осенью 1886 года -- года смерти Островского, под свежим впечатлением горькой утраты его друзья и ценители его творчества собрались в "музыкально-сценическом кружке" Коровякова. Сам Д. Д. Коровяков был известным знатоком и любителем театрального дела, автором популярных пособий по декламации. На заседание своего кружка он пригласил людей, коротко знакомых некогда с Островским, встречавшихся с ним и в пору его литературных дебютов, и в момент наивысшей славы, и на пороге смерти. Здесь были И. Ф. Горбунов, Д. В. Григорович -- писатели, помнившие Островского еще по годам сотрудничества в журналах "Москвитянин" и "Современник". Здесь был и М. И. Писарев -- актер Александрийского театра, исполнитель ролей Несчастливцева, Русакова, Большова, Кнурова в пьесах Островского и издатель первого полного собрания сочинений драматурга.

Молодой филолог-энтузиаст И. А. Шляпкин, также оказавшийся на заседании кружка, записал в свой дневник то, что услышал об Островском из уст людей, близко знавших драматурга. Надо заметить, что участники этой встречи оставили воспоминания об Островском, а М. И. Писарев опубликовал заметки "К биографии Островского". Но в этих известных сообщениях мы не отыщем многого из того, что вспомнилось им в ноябрьский вечер 1886 года в салоне Коровякова. Воспоминания для печати писались этими авторами много позднее, и какие-то подробности могли, естественно, выветриться из памяти. Но главное в другом. При мысли об Островском вспоминалось многое из его цензурных мучений и вообще из отношений с "властью предрешающей". А такого рода сообщения не могли быть в то время напечатаны. Тем ценнее, что беседы эти сохранены для нас в дневнике Шляпкина.

Записи Шляпкина местами чрезмерно лаконичны, отрывочны и конспективны, это записи "для себя", а не для возможного читателя.¹ Но и в этом "сыром" виде они представляют серьезный интерес и пополняют наши сведения о великом драматурге.

В какой степени достоверны сообщения об Островском в шляпкинском дневнике? В устный рассказ Григоровича или Горбунова могли, разумеется, вкратце вкратце неточности, а некоторые факты в устах блестящих острословов получили оттенок салонного анекдота. Но при всем том не доверять основному смыслу рассказанных фактов мы не в праве. А они весьма интересны и значительны.

В кружке Коровякова много говорилось о злоключениях пьес Островского в цензуре. Как известно, первая же пьеса его, "Банкрот" или "Свои люди -- сочтемся", стала жертвой цензурных гонений.

Запрещенная к представлению по личному повелению Николая I, комедия долго не могла появиться на сцене. Готовя в 1859 году первое собрание своих сочинений, Островский был вынужден под цензурным нажимом внести в комедию исправления и переделки. По словам: Т. И. Филиппова (известного приятеля Островского времен "молодой редакции" "Москвитянина"), занесенным Шляпкиным в дневник, цензор прямо порекомендовал драматургу вывести на сцену в финале комедии